

Творческие горизонты Нгуги Ва Тхионго

Творчество известного кенийского писателя Нгуги Ва Тхионго неразрывно связано с борьбой его соотечественников за национальную независимость. Сейчас, когда в Кении строится новое общество, этот замечательный писатель, критик и драматург все силы направил на преодоление последствий колониального ига.

Клаус КРЕЙМАЙЕР

«ФРАНКФУРТЕР РУНДШАУ»,
ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ.

Вот уже почти две недели, как я в Кении, и сегодня должен встретиться с Нгуги Ва Тхионго. В этом мне любезно согласился помочь Райнхард Динкельмайер, руководитель Института имени Гёте в Найроби.

Итак, мы едем на его машине в Лимуру, в пригороде которого живет сейчас писатель. Накануне я позвонил ему по телефону и попросил дать мне интервью, он согласился, но подчеркнул, что говорить будет только о литературе.

По пути Динкельмайер обращает мое внимание на плантации пиретрума. Я сразу вспоминаю первый роман Нгуги «Не плачь, дитя», действие которого разворачивается в годы восстания против режима колониального порабощения. Якобы, чернокожий землевладелец, сотрудничающий с английскими колонизаторами (позже его убивает один из участников движения «Мау-Мау»), первым среди местных жителей получает от колониальных властей лицензию на разведение пиретрума.

В романах Нгуги прежде всего поражает его умение передать через восприятие кенийской деревни накаленную атмосферу нашего столетия с его войнами и катаклизмами. Даже сюда, в глубины колониальной Африки, доходят отзвуки великих битв, которые не могут оставить людей равнодушными и влияют на их судьбы. Постепенно, шаг за шагом, читатель начинает смотреть на Европу глазами кенийского народа, борющегося за независимость.

«Добро пожаловать в Лимуру» — это приветствие на щите — первое, что мы увидели при въезде в город. Он невелик, в нем не так уж много домов, магазинов и всего один ресторан. На новом фасаде одного из зданий красуется надпись «Камириту-центр». Здесь в 1977 году Нгуги Ва Тхионго вместе с крестьянами соседних деревень приступил к созданию первого реалистического театра, в пьесах которого трудящиеся могли бы увидеть самих себя как бы со стороны, найти ответы на стоящие перед ними вопросы, научиться отличать друзей от врагов.

Последний отрезок пути проходит среди распаханых полей. И наконец в тени высоких хвойных деревьев мы увидели дом Нгуги. Это три сложенные из камня искусно соединенные между собой хижины, как это принято у народности кикуйю, с красными конусообразными крышами. На наш стук из дома никто не вышел. От соседа мы узнали, что Нгуги уехал на похороны в Найроби. Африканские похороны часто длятся очень долго. Мой спутник, не располагая больше временем, оставил сувенир для Нгуги и уехал. Я же остался дожидаться хозяина.

Именно сейчас, оставшись один среди холмов и полей,

Нгуги Ва Тхионго.

«Франкфуртер рундшау»,
Франкфурт-на-Майне.

отрезанный от средств сообщения, я особенно остро ощутил первозданное величие и необъятность просторов Африки. Передо мной во всей красе предстала та самая страна, которую я ясно видел, читая рассказы Нгуги, в сущность которой я проник еще глубже, познакомившись с его романами. Из них я узнал, что история Кении делалась отнюдь не руками англичан. И не одни только герои движения «Мау-Мау» вершили ее, хотя о них уже сложены легенды. История Кении — это страдания трудящихся в условиях чрезвычайного положения 50-х годов, пытки, которым подвергали борцов за независимость, и отчаяние разоренных крестьян, предательство во враждующих лагерях, размолвки в собственных рядах и, наконец, завоеванная независимость. Свобода, как награда за несокрушимую веру в будущее Кении.

Молодой крестьянин Ньороге, герой романа «Не плачь, дитя», страстно мечтает учиться, хочет знать столько же, сколько знают власть имущие — белые. Но его классовое сознание еще не сформировалось. Юноша пока не в состоянии разобраться в происходящих вокруг него событиях, не понимает проблем своей страны.

Во второй части романа, названной «Пала тьма», Ньороге измученный жизненными

невзгодами, едва не кончает жизнь самоубийством. Спасло его вовсе не внезапное умиротворение, а скорее проснувшееся чувство долга, осознание личной ответственности за происходящее вокруг. Жить — значит учиться разбираться в сложных ситуациях, уметь самому принимать важные решения, от которых зависит судьба матери, братьев, соседей.

Большая заслуга Нгуги как писателя и гражданина состоит в том, что он, трезво проанализировав окружающую жизнь, сумел правдиво рассказать о тружениках своей страны, которых судьба подвергает тяжелым испытаниям. Они страдают, сбиваются с пути, ошибаются, но твердо верят в свою мечту, за которую борются и ради которой преодолевают трудности.

Нгуги говорит медленно, тщательно подбирает слова, стараясь как можно точнее сформулировать свою мысль. Как автор он прошел примечательный путь от сравнительно небольшого словарного запаса и незадействованного сюжета в таких ранних романах, как «Не плачь, дитя» и «Река между нами», к интересному и богатому английскому языку и разноплановому, законченному по форме повествованию в «Пшеничном зерне» и «Лепестках крови».

Нгуги считает, что англичане искусственно насадили в Кении свой язык, сделав его основным как в литературе, так и в политической и культурной сфере деятельности. Долгое время кенийцы должны были смотреть на мир глазами правящего класса — англичан.

«То, что в учебных и научных учреждениях и сейчас продолжают пользоваться только английским языком, — говорит Нгуги, — не позволяет нам полностью освободиться от колониального наследия. Да и я сам вот уже 17 лет пишу на английском языке, значит, большинству из кенийцев недоступны мои пьесы и книги».

Национальные языки Кении — это прежде всего те, на которых говорят большие народности, например, кикуйю, камба, луо, эмбу и меру, а буржуазная лингвистика низвела их до ранга диалектов. Между тем каждое из этих племен создало свою самобытную культуру. Из сложного смешения самобытных языков и культур формируется сегодня неповторимое лицо всей страны, которая, конечно же, пока еще не полностью освободилась от иностранного влияния, от политической, административной и культурной надстройки, оставленной в наследство англичанами.

Большинство африканских писателей пишут на английском, французском, португальском или испанском языках. Естественно, это ограничивает их творческие возможности. В последнее время некоторыми литераторами предпринимаются попытки ввести нечто новое в эпическую структуру романа. В

их произведениях, в частности, затрагиваются типично африканские явления, шире используется фольклор, например, поговорки. Но, конечно, этого мало. Я думаю, что наша литература приобретет самобытность только тогда, когда африканцы начнут писать на своих национальных языках, используя культурные богатства своих народов. Лишь в этом случае возникает не только новая литература, но и новая драматургия.

В Кении уже идет борьба за создание национального театра, который бы поднимал действительно жизненно важные для народа проблемы. Пора покончить со старым театром, лицо которого определяют зарубежные коллективы, прежде всего английские. Недопустимо, когда из-за моря привозят не только актеров и оркестры, но даже декорации. Сейчас в Кении решительно во всех областях культуры ведется острая, непримиримая борьба за демократизацию и возрождение национальных традиций. После семнадцатилетней творческой деятельности на иностранном языке я решил попробовать свои силы в новом для меня жанре — драматургии, наиболее близком и понятном народным массам. Мне пришлось много поехать по деревням и пригородам Лимуру.

Именно тогда я написал свои первые пьесы. По-настоящему же меня захватила драматургия, когда мы вместе с рабочими и крестьянами создавали народный театр в «Камириту-центре», ставший средоточием культурной жизни страны. В нем впервые пьесы зазвучали на языке кикуйю, понятном широкому кругу зрителей. Я еще не могу сказать, что процесс моей творческой перестройки завершился. Меня вдохновляет сознание необходимости той работы, которую мы продельваем сейчас с коллективом театра для кенийского народа».

118